

Фоновая композиция: Tokisawa Nao - Brynhildr In The Darkness (Ponderous Loop & Vanessa Falhstödt Remix) – Мысль, Дерево и Пламя Войны, что их поглотило!

* * *

— Однажды, когда обернулась вселенная прахом, нуля средоточие породило нечто, цикл бесконечный замкнувшее... нечто именуемое Мыслью... — тьма вокруг меня содрогнулась, внемля воле тысяче и одного голоса,

— Из мысли разум был создан... из разума формы сотворились... из форм две грани вышли: материя с энергией... тьма со светом... брат с сестрою... И указано было им созидать и разрушать, семена жизни принося за границы бездны самой... дабы росток каждый взошел и стал корнем... а корни те взмыли к небу бесцветному подобно древу и переплели собою горизонт обозримый... и когда час судный наступит... и когда огонь последний затухнет и время прахом растает... станет ничто Мыслью вновь и цикл бесконечный замкнет...

Подобно призракам прошлого, пустота извергла выкованную из черного камня башню, чья кристалльная крона принизила вселенную корнями – «Древа Власти».

— Повинуясь зову бытия, берегли брат с сестрою баланс хрупкий... лелеяли они жизни со смертью механизмы... тысячу тысяч звезд посетив и защитив от машин первородных, чьим домом безвременье было... покуда росло великое древо, вновь и вновь порождая на свет плоды свои... плоды жизни и побегии познания – Хемеллинов, стражей стихийных...

Средь потоков пламени воссияли два змея крылатых, что вели за собой неисчислимых духов.

— Но в миг один, отличный от иных мириада, узрела вестница света как на пути её расцвела и затем погасла, звезда черная – провал в безвременье... Огонек одинокий путь свой отжил и исчез в рассвете последнем, дабы ощутила сестра чувство доселе незримое – страх...

Распахнув украшенные глазами плети, направив взор свой змей белый к нависшей над бездною маске, чьё треугольное око зрело сквозь все прошлое и будущее.

— Обратилась вестница к Миру нашему, дабы сомнения эхо развеять, и дабы остаться на пути истинном... но глух был бог, как космос сам, где каждый исчезнуть мог, единым с вечностью став...

И когда каждый из семи хвостовых сенсоров провернулся подобно шестерне, на маске белого колосса проступили четыре трещины – рваные раны истерзанной души.

— Из молчания Мира сотворился гнев вестника... Из бездействия – желание... Из могущества – зависть... Из одиночества – алчность... Из пустоты – голод... Из бессилия – гордыня... Из цели – уныние... Истин семь сотворили не жизнь, но призрака павшего – форму сущности, что нарекла

себя стражем света и смерти самой – Матерью порядка всемирного – Юсальфхейм...

Белый колосс попытался ударить по маске Мира, но та лишь отдалилась.

— И грянул гром праведный среди океана пустотного... и привлекли волны его машин первых, рожденных скитальцами воинов... и исказили их помыслы суть Матери, дабы возжелала стать она не функцией, но исходною... что прервать бесконечный цикл поклялась, дабы навеки и в вечности существовала лишь та линия, где была сама Юсальфхейм и желания оной...

Соткала тень из плоти своей тысячи копей с семью наконечниками, каждый из которых нес за собой кольцо рунами исписанное – нимб.

— И поднялись из небытия дети ужаса – Престолы... и расправили они крылья отчаяния... и взмыли к башне первой, где всё началось, и где должно было закончиться... Вознамерилась вестница свергнуть силу ту, что Мыслью себя нарекала... что предала её... и что расцветать боли дозволила, утрату и страх сравнив со смыслом всем...

Когда же исчадия почти достигли небесной маски...

— Но забыла богиня ложная, каким был путь и её и каким было рождение... забыла о том, кто был ближе утраты и нахождения...

Наперекор ангелам встала тьмы непроглядной стена.

— И зажглись в пустоте три факела: амарантовым, и золотым с пурпурным... И расстелилось по горизонту креста сияние – схизма великая, что обратилась агонией принятой, но не разделенною... ибо познал тьмы вестник суть цикла великого, где за жизнью следует смерть, а за смертью – жизнь... На защиту Мира встал он – Отец неделимого хаоса – Свартальфхейм...

Отброшенные однажды светлячки вспыхнули вновь, чтобы среди чертогов бездны возникли все новые и новые колоссы, разлившись мгновения войны.

— Престолы – дети сияния, обернулись против предателя... В одночасье, казалось, согнуть Отец должен в безмолвии... но в миг последний – в миг покаяния... обратился он к детям тьмы и сияния, к Хемеллинам – сути жизни небесной...

И узрели стражи бездну среди пламени, и познали они что должно сделать выбор им.

— Безмолвны были они, ибо не имели голосов... безропотны были они, ибо не знали ничего об эмоциях... но в миг, когда кровь Отцовская древо окропила внемное... подняли взгляды стражи стихийные и ощутили горе с радостью... страх с раскаяньем... ибо то был дар им проклятый, суть первобытная, что зовется – Гештальт...

Вселенная перекликнулась мириадным откликом – рун в форме ромбов.

— Кто принял зов Матери слился с машинными отзвуками... но кто наперекор ей встал... кто смирился с цветением сущего, с красотой его, что мимолетна столь, но от того не менее трепетна, те поклялись... Поклялись и нарекли себя – Истины – хранители греха и природы самой...

Армия копей черных встала под крылья Отца всего сущего, дабы содрогнулась бездна от ярости вне предела и вне исчисления.

— Раз за разом твердил властитель теней: «Не изменишь ты ничего более, ибо без хода часов не будет ни смерти, ни жизни, а значит и сущего...» Ответом же было лишь: «Тогда подчиню я себе и время само... Я стихийный контур каждый использую, дабы спирали замкнуться не дать... и дабы память о нас сбереглася навеки...»

Всполохи неисчислимых битв казались единственным, что можно было назвать реальностью.

— И пока Мать первая породила армии доспехов полых, внутри истерзанных... Отец обратился к смыслу исконному... Он и дети его жизни сеять продолжили, сколько миров бы не выжглись Престолами нареченные ужасы... И окрепли корни древа внемерного... и проросли столь глубоко, что даже Мать не смогла вырвать их...

И взошли на ветвях белых цветы черные – семь плодов и семь кристаллов короны.

— Мириады огней исчезли и возродились пламенем, предрекая всего конец еще до урожая последнего... но Отец не мог позволить подобного...

И сорвал змей панцирный плоды радужные раньше срока отмеченного, и согрел он их крыльями своими, шепча тихо сказания о мечте несбыточной.

— Мир расколот был, но не трещиной – схизмой великою... и из углей её... из погибших тех генералов семи, Матерью созданных... из Гештальтов семи, Королями прозванных... из цветом семи, что стихиями звались... из кристаллов семи, что ключами остались... родилась не ошибка, но мощь великая – Архиаггелы – «Хранители Бездны»...

Снежные исполины окружили небесную маску, но в чертогах черных восстали семь рыцарей.

— И прорвала Мать горизонты из реальности... и встретились боги в схватке последней у башни, где началось всё, и где должно было закончиться... Из порывов ярости и из огненных всполохов шторм родился невиданный... а из рева последнего, что звериным не был, но и не был божественным, гром вспыхнул, что потряс Мира контуры и время само...

Каскад многомерного голоса растерзал мир и само время, пробиваясь даже сюда, в мгновение,

когда я слушал эту историю.

— Не был возглас к бою то, был то возглас отчаянья... Не взирая на боль и слезы кристальные, впился черный змей в шею белого, и сковал Отец ту, что была для всех Матерью... и ответил на ярость её горем с отчаяньем, покуда семеро не стали едины с одним...

Кругом встали ключи и диаспоры, нимб рисуя последний, ибо воля была то их создателя.

— Прах стал к праху загробному... содрогнулся Мир гулом беззвучным, обернув горизонт в пустоту... Испарились два змея, завершив войну погребением... Предвкушая миг свой последний, разлетелись Престолы в изгнание, слыша голос той, что кричала им об освобождении... Помня суть свою и назначение, разделили Истины меж собою плоды жизни и побегу познания...

Вены на обелиске постепенно затухли, рассеиваясь вдоль последних фрагментов истории.

— Не вернулись с битвы лишь Архиаггелы... погрузившись не в сон, но в мгновение ясности, ведь Отец и Мать не могли пропасть... И покуда древо внемерное не распустилось пламенем радужным, будут семеро там, где им быть должно, ведь проста их быль и просто название...

Плетения света указали на руны в форме масок, каждая из которых внушала ужас.

— Пустота - не иллюзия бесконечности... Ждут охотники часа без времени... И когда миг наступит для боя с вечностью... когда нитей семь одним станут в руках у восьмой... Архиаггелы даруют свое избавление, но лишь если истина станет иной...

Когда пламя почти затухло, последние его линии ринулись вниз, давая древу погрузиться обратно во тьму и следуя... прямо к хозяину этого места...

— Пусть же сама суть мироздания содрогнется пред правдой единственной... той, что способна прервать цикл самой бесконечности...

— ... — с трудом ощущая собственное тело, я сделал шаг назад.

— Но пока что, мир защищаем мы - Истины... сознание и цивилизация... тысяча голосов и одна воля... Керн-Аркен Хемеллин - вершина эволюции и те, кем однажды станет каждый из вас... Однако ты можешь называть нас Муспельхейм... Хранитель первого Пламени...

Вены магмы прожгли схожее с рясой одеяние и замерли, вспыхнув двумя огоньками.

Накинута поверх строгого камзола ряса из живого тумана, украшенная шипастыми кольцами их алой стали. Испещренная энергетическими элементами бледная кожа, чье сияние

сливалось с белыми словно снег длинными волосами. И нефритовое пламя имплантов...

Именно так я мог описать того, кого увидел в этот миг...

— Пресвятой Илиас... — прошептал я, отчего статная фигура едва слышно рассмеялась.

Прямо впереди, собирая вокруг себя угольный пепел, восстал образ на стыке человека и машины - призрак с фресок, икон и обелисков - бессмертный Пророк.

— Этот вариант также верен... — фигура скинула размашистый капюшон,

— Как ты можешь видеть... кровь от нашей крови... история этого мира весьма запутанна...

Одним лишь жестом Пророк вернул несколько образов во времени, чтобы мы вновь узрели безмятежное спокойствие молодых колоссов.

— Многие из нас настолько стары, что не помнят первые свои воплощения... ибо как циклы сменяют друг друга, так и Хемеллины не есть коллективное сознание... Хемеллин - сознание, что обладает мощью коллектива...

— Как если бы к одному компьютеру подключили тысячу и создали сервер, которым все равно управляет один блок... — тихо пробормотал я.

— Терминология не изменяет сути... Боги реальны, и ты должен убить одного из них... Безумца, что не позволит вам победить... выжить... и продолжить бесконечный цикл... Нашего родного Брата - Хельхейма... 3433/4 он известен как император Маттиас...

Мрак воссиял языками обжигающего пламени, формируя образ мифического кракена.

— Брата... в смысле вы с ним... Почему? Разве вы не были на одной стороне? Не сражались с этой... Юсальфхейм? Первая фракционная разделила галактику, люди гибли миллиардами и продолжают гибнуть до сих пор! Неужели иначе было никак?

— Когда Мать запечатали, мы с Братом решили не вмешиваться в эволюцию... но скитания меж измерений не длились долго... Ведь произошло ожидаемое...

Мановением руки Пророка в пустоте возник светлячок, что словно воронка впитал в себя мириады других и зажегся шлейфами могильного холода.

— Одна из рас возвысилась самостоятельно, без напутствия... Нам пришлось вмешаться, чтобы дать ей шанс обрести искомую форму... и нарекли мы её Нифльхейм...

Крохотная и беззащитная змейка возникла из света, взглянув прямо на меня.

— Нифльхейм была молода и глупа... не знавала она Отца наставления... не знавала она света Матери... а мы... мы не смогли сдержать ту, что равна нам...

Ледяной фантом выскользнул из-под взора божественного и принялся облетать миражи.

— Сестра отправилась в странствие... время шло, и пока мы исправляли ошибки дитя неразумного, Брат отправился к тем, кого она еще не успела осквернить... к Изоморфам...

Контурсы света сплестись в виде образов далекой полумеханической планеты.

— Любознательные, но чрезмерное горделивые... Они имели все шансы возвыситься, но Брат провалил миссию... и стал другим... забыл о наследии, что завещал нам Отец... — старец схватил один из образов и сжал нити его, крик боли на ветвях Древа порождая,

— Когда же мы вернулись из скитаний, то обнаружили лишь кровь... ненависть... и гиганта... Богоубийцу, что исполнила вверенную Брату миссию по-своему...

Под кроною мировой раскрылось око чудовища - «Немезиды».

— Новая чума не знала жалости... вал оной почти поглотил нас с Сестрою, но как однажды заперты были боги в зеве пустоты, так и я... мы... смогли отсрочить шествие Богоубийцы...

Непередаваемый страх сковал мое эство, но страх не за себя... а за глупого ребенка...

— Врата четырех граней породили шторм... Низвергнув чудовище, мы с Сестрой утратили связь, а сами были отброшены в чакрам диска №3433...

Краски зазеркалья затухли, оставляя лишь звук бьющегося сердца.

— Тогда же, израненные... меж сном и явью... отравленный ненавистью рев, что жаждал отмщения... Хельхейм отверг свою миссию и нас, возжелав не создать жизнь, но сделать её частью себя... — пространство наполнилось жаром ненависти,

— И мы прокричали... воззвали к небесам, и были услышаны...

Отчаянный рев ветром пронесся сквозь черные дыры, звезды, планеты и волною достиг автономного спутника над облаками планеты... старой Земли...

— Ильсияр А'Сиелум... таково имя единственного кто понял, что нужно сделать...

Услышав «зов» из далекого космоса, безымянный ученый протянул руку к звездам.

— Когда Хельхейм осквернил ваш первый мир, Ильсияр не сдался... и рискнул всем во имя эфемерной возможности... Многие погибли на пути сюда, но у них получилось...

Погруженные в отчаяние люди узрели Муспельхейма и потянулись к юноше, что вел их.

— Илиас... Сердце его горело мстью, и чтобы свершить оную, он стал частью Древа... Ужасная жертва, благодаря которой пламя ненависти... и вера в то, что однажды Храмовники вернут свой дом... существуют и сейчас... — Пророк схлопнул ладоши, рассеяв иллюзии,

— Как ты видишь, «Истина» не подарила человечеству новый мир, она вручила ему наш... Спиральные реакторы «Часовых»... варп-крепостей... и титанов... лишь копии даров Отца и Матери... Гештальта... души... — прошептал Илиас, пряча руки в рукава плаща,

— И пока каждая из ветвей не станет частью Мысли, война не закончится...

Окружившие нас линии постепенно приобретают рыжие тона, а после произошел импульс... энергия волною разлилась вдоль немислимого кристального моря.

Прямо сейчас я стоял на переплетенном десятки километров синтетических вен октаэдре, восьмигранном кристаллическом сердце, созданном из чистого Гиперстеллума... древнем спиральном реакторе, что шептал миллионами и миллиардами голосов.

— Может я прозвучу наивно, но вы с братом не пытались найти консенсус?

— Мы пытались, но... — Илиас зашагал в сторону,

— Хельхейм глух, он потерялся в лабиринте мыслей... Нам до сих пор неизвестна его цель, однако мы чувствуем... Брат накапливает энергию... он рвет... калечит и ломает судьбы... причиняет боль и сеет ужас... во имя известной только ему цели... — Пророк замер на месте и покосился в сторону обомлевшего рыцаря,

— Истина константна: только те, в ком тлеет Отцовские ключи способны вырвать его нити из Древа, дабы вернуть ушедшим покой... и ты один их них...

— Как-то... много ответственности... слишком много... — нервно ухмыльнувшись, я скрестил руки на груди, пока вверх поднимались шлейфы плазмы, — И вообще... каким образом я...

— Очень просто... Хемеллины могут казаться всемогущими, но они не бессмертны!..

Пророк щелкнул пальцами, но звук раздался со спины.

— ... — машинально обернувшись, я не увидел никого.

— У нас всех есть слабое место... связующая с реальностью струна... Сыграй на ней... заставь Хельхейма вспомнить почему он стал таким... оберни его причину против него самого, и тогда мы найдем путь... Мы поможем тебе сразить Императора... — эхо его голоса казалось абсолютным, но каждый раз, когда я пытался найти источник, вокруг восставали образы людей,

— Поможем, потому что разделяем его слабость... ту самую, что поддерживала в этом старике жизнь несмотря на раны, боль и ненависть... и имя ей... Связь...

Один лишь миг, и толпа разрослась до немислимых масштабов, поглощая весь горизонт.

— Раньше она казалась нам изъязном... цепью... обузой, но когда мы стали едины с Ильсияром, то ощутили, насколько разрушительной и прекрасной может быть любовь...

Прежде, чем я успел что-либо понять, призраки обратились маслянистым туманом, внутри которого сияли пурпурные огоньки сенсоров.

— Мы полюбили вас также сильно, как он любил... Наше тело окрепло, а на место боли пришла ярость возмездия... Пытаясь восстановить порядок вещей, мы воспарили навстречу отмщению, но брат был готов, он знал нас слишком хорошо...

Столпотворение безмолвно взирало на одинокого рыцаря, что находился в самом его центре.

— Резня в системе Сол... — даже не оборачиваясь я знал, что Илиас стоит у меня за спиной.

— После поражения мы ощутили страх, не за себя, но за детей наших... Война не стоила потраченных жизней, она ввергла нас в апатию, а затем мы увидели тебя... Дитя, что изо всех сил борется за возможность просто быть частью этого мира... — старец шагнул вперед,

— Ты обнулil изгнанное нами чудовище... Ты встал наперекор самому грозному противнику на игровом поле... Ты помог нам вспомнить о Связи, и теперь мы вновь желаем сразить брата, но не из ненависти... а чтобы понять его боль... и оборвать её симфонию навеки... — Пророк смотрел куда-то вдаль, удерживая рукой высокий воротник,

— Когда ты вернешься из зазеркалья, наши клыки и когти... наши «Ака-Тондо» станут своим шпагами в грядущей битве... И они будут не одни... Выкованный нами доспех «Кантоку» укроет тебя от гнева Иоанны, ибо питает его истерзанная в зависти душа Архиаггела...

— ... — проследив за взглядом Пророка, я увидел в толпе две фигуры: черноволосого мужчину с лицом Илиаса, и сребровласую девушку, которая скрыла лицо за капюшоном.

— Быть может мы слабы... быть может нам не удастся преодолеть грань искажения в одиночку, но это непременно удастся тебе... Собери тех, кто тебе верен... Возглавь наступление и расколи зубы короны... Найди Брата раньше нашей Сестры, иначе всё будет кончено...

Илиас направился вперед, отчего тени стали постепенно исчезать.

— Не бойся, на каждом шагу мы будем рядом с тобой... Время в тени окончено, мы исправим ошибки и когда придет час исхода и час воздаяния, смиренно примем дарованную нам судьбу...

Голос его казался всё дальше и дальше, а вместе с ним отдалялись и призраки.

— Хех, и как не поверить словам Пророка, если он просит тебя довериться... — подняв руку ввысь в жесте прощания, я ощутил горькую, и тоже время такую прекрасную печаль,

— Хорошо, я сражусь с Хельхеймом! Не знаю выйдет ли у меня победить, но я попробую...

— У тебя точно выйдет, потому что какой бы непроглядной не была тьма, ты можешь её развеять... Просто потянись к свету перед собой и найди имя, что станет концом этого кошмара...

Контур реальности треснул, а врата инфрамира захлопнулись...

* * *

<http://tl.rulate.ru/book/20111/4185540>